

★ Даниил ВЕКОВ ★

СТАЛЬНОЙ ИЗЛОМ

Остановить Гудериана!

Война. Штрафбат. Они сражались за Родину

Даниил Веков

**Стальной излом.
Остановить Гудериана!**

«Махров»

2020

УДК 94
ББК 63.3(0)

Веков Д.

Стальной излом. Остановить Гудериана! / Д. Веков — «Махров»,
2020 — (Война. Штрафбат. Они сражались за Родину)

ISBN 978-5-00155-174-4

Осень 1941 года – страшное и тяжелое время: немецкие войска захватили Прибалтику, Белоруссию, Украину, стоят под Ленинградом, рвутся к Москве. До нее им осталось сто километров... Начинается операция «Тайфун». Танковые клинья должны охватить столицу с севера и юга, полностью отрезать ее от страны. Немцы настолько уверены в своей победе, что уже приготовили парадную форму для торжественного марша по Красной площади и отчеканили десятки тысяч наградных «Железных крестов». Кажется, ничто не в силах остановить стальной каток их панцергрупп, но на пути врага встают танкисты Каткуова. Они громят дивизии Гудериана под Мценском, не дают прорваться к Туле, наносят сокрушительный удар и окончательно хоронят планы Вермахта на скорую победу. Роман основан на реальных событиях.

УДК 94
ББК 63.3(0)

ISBN 978-5-00155-174-4

© Веков Д., 2020
© Махров, 2020

Содержание

Пролог	6
Часть первая	13
Глава первая	13
Глава вторая	19
Глава третья	25
Глава четвертая	32
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Даниил Веков
Стальной излом. Остановить Гудериана!

© Веков Д., 2020

© ООО «Яуза-Каталог», 2020

Пролог

Смоленск встретил генерала Гудериана мрачным низким небом и холодным дождём. А что вы хотите – конец сентября. Осень же в России, прямо скажем, не самое лучшее время года, хуже неё, пожалуй, только ледяная, морозная зима.

Командующий 2-й танковой группой зябко поёживался, пока шёл к штабной машине: пронзительный, порывистый ветер забирался даже под плотно запахнутую шинель. «Хоть снега нет, и на том спасибо, – думал генерал, – говорят, в здешних местах он иногда выпадает уже в сентябре». Пока штабная легковушка неспешно ехала в центр города, Гудериан внимательно рассматривал проплывавшие за окном пейзажи.

Он уже бывал в Смоленске – в середине июля, когда его танковые части вели сражение. Тогда город не слишком уж сильно пострадал от артобстрелов и бомбёжек, большинство домов уцелело. После взятия Смоленска генерал из чистого интереса посетил местный кафедральный собор и, не торопясь, осмотрел его. Служба здесь давно не велась – левую и центральную часть здания занимал музей атеизма, у входа стояла восковая фигура нищего, просящего подаяние, а внутри находились ещё фигуры буржуа и страдающего от его гнёта пролетария – настоящая красная пропаганда!

Однако в правой части собора, в одном из приделов, обнаружили иконы и серебряную церковную посуду, очевидно, там всё же иногда молились. Ценности не успели вывезти или спрятать до прихода германских войск (как и позолоченные части старинного иконостаса), и Гудериан распорядился найти местного церковного старосту и отдать всё это ему – пусть хранит. Под личную ответственность.

Но в целом Смоленск генералу не понравился: каменных домов мало, почти все деревянные, двух- и трёхэтажные, много старых и уже сильно просевших, покосившихся. Улицы извилистые и узкие, да и центр – одни холмы, легковушки и конные подводы с трудом взбирались и съезжали по крутым склонам. Асфальтовое покрытие дорог в плачевном состоянии, давно не ремонтировалось, а среди булыжных мостовых тут и там зияли глубокие выбоины и ямы, в которых застревали даже грузовики. А ещё постоянно приходилось объезжать обширные лужи, заполненные грязной желтоватой водой.

Но позднее ожесточённые бои за Смоленск (в августе и сентябре советские войска пытались отбить его) значительно изменили городской пейзаж. Повсюду на обочинах – остатки разбитой военной техники, чёрные остовы сгоревших машин, раздавленные телеги, поваленные телеграфные столбы. Вместо домов – одни пепелища и торчащие печные трубы, людей почти не видно, только неслышно скользят едва заметные серые тени. Мрачное, унылое, подавленное настроение, ощущение безнадёжности и обречённости.

Старинный каменный кремль города в осеннюю непогоду выглядел особенно угрюмо – его совсем не радовало присутствие непрошенных гостей, и он смотрел на них сверху очень неприветливо, из-под седых, нахмуренных бровей. В общем, Смоленск совсем не был похож на те весёлые, аккуратные, чистенькие европейские города, которые так легко и приятно было брать в Польше, Бельгии и Франции.

Гудериан заметил, что сегодня на улицах и площадях непривычно много патрулей – практически на каждом углу. Что, впрочем, было легко объяснимо: на важное совещание, посвящённое операции «Тайфун», собрались почти все высшие армейские чины Рейха: главнокомандующий сухопутными войсками генерал-фельдмаршал Вальтер Браухич, начальник Генерального штаба ОКХ генерал-полковник Франц Гальдер, командующий армиями группы «Центр» генерал-фельдмаршал Федор фон Бок, другие военачальники.

В общих чертах план осеннего наступления на Москву был знаком Гудериану, осталось только уточнить кое-какие детали. «Тайфун» предусматривал два мощнейших удара по совет-

ским войскам с участием панцерных и моторизованных дивизий группы армий «Центр» – с тем, чтобы взять большевистскую столицу в клещи и полностью её окружить. Второй танковой группе Гудериана поручалось обойти город с юга, 3-й танковой Гота и 4-й Гёпнера – с севера и, таким образом, замкнуть кольцо с востока. С запада же в неё войдёт немецкая пехота. Но прежде ещё следовало разгромить Брянский фронт и уничтожить основные силы Красной Армии под Вязьмой и Брянском, и это было весьма непростым делом.

Главным фактором успеха в данном случае являлась скорость – следовало разгромить советские части и покорить Москву ещё до зимы. И фюрер, и высшие чины Вермахта прекрасно понимали: застрять на подступах к русской столице в суровые русские морозы – то ещё удовольствие. Немецкие солдаты останутся без надёжной связи с тылом, без снабжения и, следовательно, без тёплой одежды, еды, боеприпасов и горючего. И всё это – за тысячи километров от родной Германии!

Опыт Наполеона ясно показывал: генерал Мороз и неуловимые русские партизаны способны нанести армии гораздо больший урон, чем все регулярные корпуса и дивизии противника. Даже гениальный французский полководец не смог ничего сделать с проклятыми морозами и упрямыми русскими: Великая армия бесследно растаяла на бескрайних просторах России всего за несколько месяцев. А под глубоким снегом, на ледяных дорогах остались тела сотен тысяч французов, немцев, поляков, итальянцев, испанцев, венгров... Всех тех, кто пришёл в Россию за победой и кому не повезло вовремя сдать в плен. Вот и следовало провести наступательную операцию на большевистскую столицу в кратчайшие сроки, чтобы встретить настоящие холода в тёплых квартирах, а не где-то посреди бескрайних снежных полей.

Последние уточнения в плане «Тайфуна» делал генерал-полковник Франц Гальдер. Сухой, педантичный, сдержанный, больше похожий на школьного учителя, чем на начальника Генштаба ОКХ, он строго глядел на собравшихся сквозь круглые очки в простой стальной оправе и бесстрастным, ровным голосом перечислял населённые пункты и рубежи, которые предстояло взять.

– Четвертая и Девятая армии с подчинёнными им 4-й и 3-й танковыми группами должны осуществить прорыв обороны противника по обе стороны дороги Рославль – Москва, – говорил генерал-полковник. – Для этого им придётся, прикрывшись с востока, совершить поворот либо против общей линии Вязьма – Дорогобуж, либо с обеих сторон – но к Вязьме. Девятая армия наступает в направлении Ржева, Вторая армия – между Почепом и Снопотью, прорывая оборону русских на реке Десна. Её главный удар наносится против правого фланга Брянского фронта в направлении Сухиничи – Мещовск.

Гейнца Гудериана, конечно же, больше интересовали задачи его танковой группы, но он терпеливо ждал. Гальдер строго посмотрел на Быстроходного Гейнца и специально выделил голосом:

– На южном фланге германские войска должны захватить Брянск, чтобы полностью овладеть этим важным промышленным районом с его запасами и оборудованием. Вторая танковая группа после сосредоточения в районе Рыльска, Почепа, Новгорода-Северского должна нанести быстрый удар через линию Орёл – Брянск. Но при этом крайне необходимо, чтобы при наступлении на северо-восток её правый фланг плотно прикрывался реками Свапа и Ока.

Замечание по поводу флангов было сделано не случайно: генерал Гудериан слишком часто уж увлекался глубокими прорывами в тыл противника, совершенно забывая при этом о том, что пехота просто не в состоянии поспеть за его стремительными стальными панцерами. Именно поэтому слева и справа от танковых вклинений Быстроходного Гейнца часто оставались значительные группы противника, которые затем наносили внезапные и очень болезненные удары по догоняющим частям. Это приводило не только к большим людским потерям, но и к тому, что русским почти всегда удавалось вырваться из уже почти готового «котла» и уйти на восток. И опять занять оборону.

Да-да, Гейнц-Ураган, как уважительно и с даже некоторой завистью называли Гудериана в Генштабе ОКХ, добивался замечательных успехов, его танки первыми врываются в города, громили противника, с лёгкостью захватывали целые промышленные районы, но пехоте, идущей следом, приходилось очень тяжело. Солдаты не выдерживали стремительного темпа, буквально валились с ног, да и артиллеристы безнадёжно отставали, застревая в бесконечных затоках на разбитых и запруженных войсками дорогах.

И – как результат – растянутый фронт с зияющими брешами и угроза неожиданных фланговых ударов (что нередко происходило). Русские ведь не дураки, тоже видят, где можно провести контрнаступление. Тогда немецкая пехота была вынуждена переходить к обороне, что приводило к сильным задержкам и снижало общий темп наступления группы армий «Центр». А время имело главное, решающее значение.

И ладно, если бы танковые вклинения Гудериана случались где-нибудь в приличной европейской стране – с великолепными, широкими автострадами, тогда пехотинцев в крайнем случае можно было бы перебросить на грузовиках, но это же Россия! А в ней, как известно, хороших дорог нет и быть не может. И, чем дальше германские войска углублялись на восток, тем дороги делались всё уже и хуже. На ухабах и колдобинах ломалась даже самая надёжная германская техника, и солдаты оказывались почти безоружными перед русскими стальными монстрами, имея в качестве противотанковой защиты в лучшем случае лишь 37-мм пушки Pak.35/36. Весьма слабая защита!

Не раз и не два генерал-фельдмаршал Ганс фон Клюге (ему временно поручили общее руководство 2-й и 3-й танковыми группами) пытался притормозить слишком уж Быстроходного Гейнца, но не получалось. Гудериан не только не выполнял его приказы (что вообще немисливо с точки зрения германского армейского порядка), но и осмеливался грубо оспаривать их, обращаясь напрямую (через голову непосредственного начальства!) к командующему сухопутными силами Вальтеру фон Браухичу и даже к самому фюреру (неслыханная дерзость!). Из-за этого между фон Клюге и Гудерианом сложились весьма неприязненные отношения, что, само собой, далеко не лучшим образом сказывалось на действиях всей группы армий «Центр».

Однако как-то исправить положение генерал-фельдмаршал не мог: Гитлер открыто покровительствовал «гению блицкрига». Он чрезвычайно высоко ценил полководческий талант Гудериана, главного теоретика и практика стремительных панцерных ударов, и отлично помнил его важный вклад в разгром Франции. Именно смелые и решительные действия Гейнца-Урагана принесли тогда Вермахту блестящую победу над французами – те капитулировали всего через полтора месяца.

Панцеры Быстроходного Гейнца прорывались далеко за французские оборонительные рубежи, вставали на широкие, удобные, асфальтированные автострады и неожиданно появлялись в глубоком тылу противника, с ходу брали города и мосты, форсировали реки, занимали важнейшие районы. И при этом Гудериана нисколько не волновала судьба других подразделений (прежде всего – пехотных), идущих следом, он даже не удосуживался согласовать свои действия со своим тогдашним начальником, генералом Эвальдом фон Клейстом.

Что не могло не вызвать явного недовольства последнего. В результате Гудериана временно отстранили от руководства корпусом, однако инцидент удалось быстро замять, и все остались при своих. За Французскую же кампанию Гейнц-Ураган получил весьма достойную награду – звание генерал-полковника. А чуть позже ему доверили и 2-ю танковую группу.

* * *

И вот ситуация полностью повторилась, но уже в России. Осторожный, рассудительный генерал-фельдмаршал фон Клюге неоднократно жаловался фюреру на своевольства и непо-

чительность Гудериана и особенно – на его недопустимый тон, который тот взял в разговорах. Однако должной поддержки он не получил: Гитлеру важен был результат, и пока танцеры Гудериана успешно шли к Москве, он никому не позволял трогать своего «танкового гения». Фон Клюге, скрепя сердце, вынужден был смириться с поражением.

План действий, озвученный Гальдером, Гудериану в целом нравился – отвечал его чаяниям и намерениям: как можно скорее достичь Москвы. Однако имелись и кое-какие моменты, которые следовало уточнить и поправить. В частности, ему, как всегда, хотелось гораздо большей свободы в принятии решений – получить так называемый открытый лист, право на самостоятельные действия. Чтобы не выполнять чужие распоряжения, а поступать так, как сам считает нужным. Не спрашивая при этом ни мнения Ганса фон Клюге, ни разрешения самого командующего группой армий «Центр» фельдмаршала Федора фон Бока.

После небольшого спора ему удалось добиться своего: 2-й танковой группе, в частности, разрешили начать операцию чуть раньше, чем всем остальным, не 2 октября, а 30 сентября. Что это давало? Очень многое: во-первых, танцеры Гудериана успевали воспользоваться ещё сухой, ясной погодой, чтобы быстрее достичь шоссе Орёл – Брянск с хорошим твёрдым покрытием и встать на него. Во-вторых, позволяло избежать неразберихи (куда ж от неё денешься!), неизбежной при всяком большом наступлении. И в-третьих, самое главное – обеспечивало надёжную поддержку с воздуха.

Вся мощь германской авиации будет работать только на него, Гудериана. И, как следствие, бомбардировщики расчистят для его танцеров дорогу на Москву, сметут с пути те немногие заслоны, которые большевики наверняка успеют поставить.

А больше от авиации и не требуется: всё остальное он сделает сам («Вы только не мешайте!»).

Гейнц планировал совершить быстрый прорыв к Севску и Орлу, с ходу взять Серпухов и затем повернуть на Москву. Сильного, упорного сопротивления он не ждал, полагая, что большая часть Красной Армии уже давно уничтожена под Киевом или же взята в плен. У Сталина просто не останется резервов, чтобы остановить его.

На острие главного удара Гудериан ставил 24-й танковый корпус, куда входили две его лучшие танцрные дивизии – 3-я и 4-я, за ними по пятам (ни в коем случае не отставая!) будет двигаться 10-я моторизованная дивизия. Остальные силы распределились так: 47-й танковый корпус (17-я и 18-я танцрные, 29-я мотодивизия) наступает на Севск, 48-й танковый корпус (9-я танковая, 16-я и 25-я моторизованные дивизии) – на Путивль. Их должны поддержать пехотные (45-я, 134-я, 95-я, 196-я, 162-я, 293-я) и 1-я кавалерийская дивизии. Сам же он поскорее перенесёт свой командный пункт в город Глухов – ближе к месту сражения.

Так что результатами совещания в Смоленске Гейнц Гудериан был очень доволен – всё складывалось так, как надо. Тем же вечером генерал вылетел на самолёте обратно к себе, во 2-ю танковую группу, чтобы подтянуть отстающие части ближе к фронту. Скоро они окажутся в самом центре событий. Как и всегда.

* * *

Фюрер и Верховный
главнокомандующий
Вооружёнными силами
Верховное Главнокомандование
вооружённых сил
Штаб оперативного руководства
Отдел обороны страны (I опер.)
№441492/41

Ставка фюрера
6.9.1941
10 экз.
Экз. №3.
Совершенно
секретно
Только для
командования

Директива № 35

Начальные успехи в действиях против сил противника, находящихся между смежными флангами групп армий «Юг» и «Центр», в сочетании с дальнейшими успехами по окружению вражеских войск в районе Ленинграда создают предпосылки для проведения решающей операции против группы армий Тимошенко, которая безуспешно ведёт наступательные действия перед фронтом группы армий «Центр». Она должна быть решительно разгромлена до наступления зимы в течение ограниченного времени, имеющегося ещё в распоряжении.

С этой целью необходимо сосредоточить все силы сухопутных войск и авиации, предназначенные для операции, в том числе те, которые могут быть высвобождены на флангах и своевременно переброшены.

На основании доклада главнокомандующего сухопутными войсками я отдаю следующие директивные указания на подготовку и проведение этих операций.

1. На южной половине Восточного фронта силами войск группы армий «Юг», переправляющихся через Днепр на север, во взаимодействии с наступающими войсками южного фланга группы армий «Центр» уничтожить противника, находящегося в треугольнике Кременчуг – Киев – Конопот. Как только позволит ход выполнения этой задачи, следует перегруппировать высвобождающиеся соединения 2-й и 6-й армий, а также 2-й танковой группы для осуществления новых операций.

На фронте группы армий «Юг» подвижные соединения, усиленные пехотными соединениями, при поддержке на основных направлениях 4-м воздушным флотом, должны не позднее 10.9 внезапно начать наступление с плацдарма, созданного 17-й армией 1, через Лубны в северо-западном направлении, в то время как 17-я армия продвигается в направлении Полтава – Харьков.

В нижнем течении Днепра продолжать наступление на Крым при поддержке 4-го воздушного флота (одновременно, в зависимости от того, какие силы будут иметься в распоряжении, предпринять наступление с плацдарма в районе Днепропетровска).

Значительную помощь в выполнении задачи 11-й армии создало бы выдвижение подвижных сил к югу от нижнего течения Днепра на Мелитополь.

2. В полосе группы армий «Центр» подготовить операцию против группы армий Тимошенко таким образом, чтобы по возможности быстрее (конец сентября) перейти в наступление и уничтожить противника, находящегося в районе восточнее Смоленска, посредством двойного окружения в общем направлении на Вязьму при наличии мощных танковых сил, сосредоточенных на флангах.

С этой целью главные усилия подвижных войск сосредоточить:

На южном фланге предположительно в районе юго-восточнее Рославля, с направлением удара на северо-восток. Состав группировки – имеющиеся в распоряжении силы группы армий «Центр», 5-я и 2-я танковые дивизии, которые высвобождены для выполнения этой задачи.

В полосе 9-й армии с направлением удара предположительно через Белый. В состав группировки будут включены по возможности крупные силы из группы армий «Север».

После того как основная масса войск группы Тимошенко будет разгромлена в этой решающей операции на окружение и уничтожение, группа армий «Центр» должна начать преследование противника, отходящего на московском направлении, примыкая правым флангом к р. Оке, а левым – к верхнему течению Волги. Военно-воздушным силам поддерживать наступление 2-м воздушным флотом, усиленным своевременно переброшенными соединениями, особенно с северо-восточного участка фронта. При этом главные усилия авиации сосредоточить на флангах, используя основные соединения бомбардировщиков (8-й авиационный корпус) для поддержки подвижных соединений боевых наступающих фланговых группировок.

3. На северо-восточном фронте совместно с наступающими на Карельском перешейке финскими корпусами окружить действующие в районе Ленинграда силы противника (захватить также Шлиссельбург) с тем, чтобы не позднее 15.9 значительную часть подвижных войск и соединений 1-го воздушного флота, особенно 8-го авиационного корпуса, высвободить для группы армий «Центр». Однако прежде всего необходимо стремиться к полному окружению Ленинграда, по меньшей мере с востока, и, в случае если позволят условия погоды, провести на него крупное воздушное наступление. Особенно важно уничтожить станции водоснабжения.

С целью облегчения преодоления финнами укреплений на старой русско-финской границе, а также для сокращения линии фронта и лишения противника возможности использовать воздушные базы, необходимо по возможности быстрее предпринять силами группы армий «Север» наступление на участке р. Нева в северном направлении. Во взаимодействии с финнами, используя минные заграждения и артиллерийский огонь, блокировать Кронштадт, чтобы воспрепятствовать выходу сил противника в Балтийское море (Ханко, острова Балтийского моря). Необходимо также изолировать район боевых действий у Ленинграда с востока на участке нижнего течения Волхова, как только будут высвобождены потребные для решения этой задачи силы. Соединение с Карельской армией на р. Свирь осуществить тогда, когда будет обеспечено уничтожение противника в районе Ленинграда.

4. При дальнейшем проведении операций предусмотреть, чтобы наступление группы армий «Центр» на Московском направлении было прикрыто с юга посредством выдвижения из полосы группы армий «Юг» в общем направлении на северо-восток группировки прикрытия фланга, созданной из высвобождающихся подвижных соединений, и чтобы силы группы армий «Север» были нацелены накрытие северного фланга группы армий «Центр», а также на продвижение по обе стороны озера Ильмень и соединение с Карельской армией финнов.

5. Всякое сокращение сроков подготовки и ускорение начала операций будет содействовать подготовке и проведению общей операции.

Адольф Гитлер

* * *

Сообщения Советского информбюро

Оперативная сводка за 25 сентября 1941 года

Очередная фальшивка гитлеровцев о советских потерях

Фашистские пустобрёхи из главного командования германской армии 24 сентября разрались очередной фальшивкой. Теперь их уже не удовлетворяют десятки взмахом пера «уничтоженных» советских танков и тысячи «взятых» в плен красноармейцев. К подобной брехне

немецкая публика настолько привыкла, что её нельзя уже удивить такой обычной для фашистов ложью. Учтя это, гитлеровцы решили соврать позабористее. На утеху себе они торжественно вещают о захвате в районе Киева 570 советских танков и 380 тысяч пленных.

Разумеется, гитлеровцы никаких 570 танков не захватывали и не уничтожали и никаких 380 тысяч пленных не взяли. Ожесточённая борьба на Киевском фронте продолжается. Несомненно, что у немецких захватчиков имеется здесь преобладание сил. Чем кончится эта борьба – пока трудно сказать. Конечно, у немцев имеется план захватить тысячи пленных и сотни танков. Но план ещё нужно осуществить, причём одного лишь желания немцев для осуществления такого плана далеко не достаточно.

Существо неумной брехни немецких фашистов состоит в том, что они свой план выдают за действительность.

Жульнические попытки немецкого командования создать себе незаслуженную славу

В своё время немцы прокричали на весь мир, что они прорвали французскую укрепленную линию «Мажино». На самом деле немцы линии «Мажино» не прорывали, они её обошли. Заявление о прорыве потребовалось немцам для того, чтобы приписать себе незаслуженные успехи и славу.

Этот трюк немецкие захватчики повторили и при вероломном нападении на Советский Союз, когда они заявили, что якобы прорвали «линию Сталина». Советское информбюро разъяснило, что укрепленного района «линии Сталина» не существовало, а были укрепления обычного полевого типа. «Линию Сталина» немцы выдумали опять-таки для того, чтобы приписать себе незаслуженные успехи и славу.

Теперь гитлеровцы в третий раз жульнически пытаются повторить тот же самый трюк. Немецкий журнал «Милитерише корреспондент аус Дейчланд» в одной из своих статей пишет о превосходстве оборонительной системы Ленинграда по сравнению с линией «Мажино». Всякому мало-мальски грамотному человеку известно, что укрепленные линии типа «Мажино» строились годами, что в один-два месяца такую линию построить невозможно. Известно это и гитлеровским захватчикам. Для чего же они жульнически утверждают о превосходстве оборонительной системы Ленинграда по сравнению с линией «Мажино»? Делают гитлеровцы это для того, чтобы, во-первых, оправдать свои огромные потери, какие они понесли на подступах к Ленинграду; а во-вторых, для того, чтобы объяснить, почему срывается их хвастливый план захвата Ленинграда, назначенного на конец августа.

На одном из участков западного направления фронта наш стрелковый полк полностью уничтожил две роты противника. На поле боя осталось 200 убитых и 70 раненых немецких солдат и офицеров, 20 ручных пулемётов, свыше 200 винтовок, много автоматов и другого вооружения. На другом участке западного направления фронта наши войска разгромили вражеский батальон. Противник потерял свыше 150 солдат и офицеров убитыми и до 300 человек ранеными. Нашими войсками захвачено 8 станковых пулемётов, 400 винтовок, 20 автоматов, 10 миномётов и гранатомётов, 2 радиостанции и 50 лошадей.

Западнее Новгорода-Северского отряд советских самолётов разбил 10 немецких танков и много автомашин. Семь танков, больше роты фашистских солдат, несколько десятков кавалеристов уничтожили советские лётчики в районе Починок. На одной из днепровских переправ немцы потеряли от огня наших самолётов до двух батальонов пехоты, 57 автомашин, 10 орудий и несколько десятков повозок с боеприпасами.

Часть первая

На дальних подступах к Москве

Глава первая

Больше всего на свете гауптман Клаус Небель ненавидел грязь. Ибо в его понимании, понимании образцового офицера Вермахта, она олицетворяла всё то, что являлось прямой противоположностью знаменитого германского орднунга: расхлябанность, неорганизованность, беспорядок и вообще всякий хаос. Чего никак нельзя терпеть.

Однако приходилось – и именно здесь, в России. Дорожная грязь – это мерзкое, вязкое, липкое месиво под гусеницами его танков – очень мешала движению и выполнению важных приказов. В частности, того, который он получил только что: с ходу захватить автомобильный мост через неширокий, но глубокий овраг и удерживать его до подхода основных сил. Надо, чтобы 4-я панцерная дивизия могла беспрепятственно переправиться и наступать дальше на восток. Клаус Небель был уже опытным офицером, воевал не первый год (за плечами – две успешные кампании, Польская и Французская), однако никогда прежде ему не доводилось иметь дела с таким необычным, упрямым и крайне неподатливым противником – непролазным (в прямом смысле слова) бездорожьем.

Мелкая, въедливая, проникающая всюду белая пыль, засорявшая лёгкие и «сседающая» танковые моторы (с чем ему пришлось столкнуться летом в Белоруссии), не шла ни в какое сравнение с этой крайне неприятной субстанцией. Грязевое месиво не только мешало идти вперёд, но и приводило к тому, что выполнение важнейших поручений оказывалось под угрозой. Что для него, как старательного, прилежного германского офицера, было просто невыносимо.

А как хорошо всё начиналось! Двадцать второго июня 1941 года 15-й панцерный полк, где он служил, пересёк границу СССР и быстро двинулся на восток. Рота лёгких танков Небеля без задержки добралась до Радехова (под которым, к сожалению, пришлось оставить часть машин из-за внезапных и серьёзных поломок) и подошла к Дубно. Казалось, проблем не будет, однако... Этот небольшой украинский городок надолго запомнился Клаусу – за время боев от его роты почти ничего не осталось: часть танков серьёзно повреждены, часть – безнадежно потеряны, ранено или убито немало отличных бойцов.

Сражение под Дубно оказалось на редкость жестоким и кровавым: русские не только полторы недели успешно обороняли этот маленький и, в общем-то, не слишком-то важный населённый пункт (сковывая при этом целых три танковые дивизии Вермахта), но смогли затем неожиданно прорваться и уйти в леса. Значительно потрепав (а по сути – разгромив) случайно оказавшуюся на их пути танковую роту Небеля. И гауптмана обвинили в неумелых действиях. Но, к счастью, наказали не сильно – лишь оставили без повышения.

После ранения, полученного в боях, и двухнедельного пребывания в госпитале Клауса перевели в другую дивизию, в 35-й танковый полк. О продвижении по службе, само собой, пришлось забыть. «Берите опять роту, – сказали ему. – Рано вам ещё думать о батальоне!» Удар по самолюбию, конечно, был очень болезненный, карьера оказалась под угрозой, но Клаус выстоял. И, сжав зубы, с удвоенной силой принялся служить и воевать. Впрочем, ему было не привыкать – всегда пробивался сам, без чьей-либо помощи, шёл по карьерной лестнице медленно, но верно, поднимаясь со ступеньки на ступеньку, не пропуская ни одной и не перескакивая.

И вот опять ему поручили очень важное задание. Отличный шанс реабилитироваться! Полковник Дитрих фон Зауцен, командир 35-го полка, идущего на острие 2-й танковой группы, лично отдал Небелю приказ – быстро захватить важный мост, чтобы русские не успели его взорвать. Иначе движение всей 4-й танковой дивизии к Мценску окажется под угрозой. Но как раз с этим – с быстротой – и возникли большие трудности. Прошёл сильный дождь, и дорога, по которой наступала танковая рота Небеля, превратилась в сплошное месиво. На штабной карте путь был обозначен как автострада, причём с твёрдым покрытием, но на самом деле это оказалось совсем не так: обычная просёлочная дорога, узкая, виляющая, неровная, в глубоких рытвинах и ухабах.

Что же касается асфальта... Теоретически он был, но нельзя же считать таковым тонкий слой не пойми чего, к тому же уже продавленный до глубокой колеи. Да, война обошлась с дорогой очень сурово – снаряды и авиабомбы окончательно разбили то, что, по идее, могло служить опорой для танковых катков. В результате немецкие танки ежеминутно застревают в колдобинах, садились «брюхом» на межколейные бугры и отчаянно буксовали в раскисшем глинистом месиве, когда проваливались в очередную яму или же дыру.

Дороги в России, как успел заметить Небель, делились на две категории: плохие и очень плохие. Они изначально сильно проигрывали немецким (даже сравнивать нечего!), война же добила их окончательно. Если в фатерлянде на шоссе спокойно мог сесть тяжёлый бомбардировщик, то в России по нему с трудом проходила даже гусеничная техника. И чем дальше на восток, тем становилось всё хуже и хуже.

Но приказ выполнять надо. И танки Небеля упорно шли вперёд, стараясь при этом не слишком сильно растягиваться. У Клауса под рукой имелось шесть танков – две «тройки» с 50-мм орудиями и четыре лёгкие «двойки». Конечно, по штату полагалось бы восемнадцать машин, но тяжёлые бои уже внесли свои коррективы в состав, а заменить выбывшие машины было просто нечем.

И такая же ситуация складывалась во всей 4-й танковой дивизии: она сейчас насчитывала от силы шестьдесят машин – и это из почти двухсот, имевшихся в строю в начале сентября! Русская кампания пожирала бронетехнику со страшной силой. И не последнюю роль в этом играли дороги – танки ломались на них один за другим, ремонтники же просто не успевали чинить их.

Клаус с тревогой смотрел, как его танки преодолевают очередной крутой подъём (местность вокруг оказалась холмистой). «Двойки» и «тройки» шли по разбитой дороге еле-еле, на второй скорости, стараясь по возможности объезжать ямы, наполненные грязной водой. «Купаться» в них категорически запрещалось – можно плотно застрять. Скользящая глина намертво облепляла траки и гусеницы, машины отчаянно буксовали, елозили туда-сюда, но не двигались с места. При каждом рывке отваливались целые пласты глины, но через минуту налипали снова.

Ползли по дороге почти на ощупь – оптика и смотровые щели были заляпаны грязью, не видно почти ничего. Гауптман Небель высунулся из люка, чтобы хоть что-то видеть и показывать направление. К счастью, уже немного прояснилось, стало чуть суше (но и холоднее тоже), и Клаус взбодрился – дай Бог, скоро доберётся до места. Но тут возникла новая опасность – русские самолёты.

Небель услышал в небе шум моторов и поднял голову – над ним один за другим проходили группами советские штурмовики. Летели очень низко, на бреющем, Небель хорошо видел головы пилотов в чёрных обтягивающих шлемах, с прямоугольными очками на глазах.

Он прекрасно знал, что стокилограммовые бомбы «илов» очень опасны для его машин, особенно для слабобронированных «двоек», не говоря уже о том, что от взрывов часто лопались заклёпочные и сварные швы, и тогда танки буквально разваливались на ходу. А спря-

таться было негде: слева и справа – раскисшее чёрное поле, куда соваться вообще нельзя: мгновенно завязнешь по самые уши.

Спасла Клауса армейская смекалка: высунулся из башни и стал размахивать над головой белой стороной полевой карты, как бы говоря: «Не бомбите нас, мы свои». Уловка, как ни странно, сработала: штурмовики, покачав крыльями, мчались мимо. Один из лётчиков даже улыбнулся и помахал в ответ рукой, не заподозрив обмана.

Впрочем, советских пилотов можно было понять: глина так залепила немецкие машины, что различить кресты стало вообще невозможно, а по внешнему виду панцеры не слишком-то отличались от советских танков: по сути, те же самые стальные «коробки» на гусеницах. Тем более что молодые лётчики ещё не слишком хорошо разбирались в немецкой технике.

В общем, хитрость удалась – на колонну не упало ни единой бомбы, штурмовики проскочили мимо, ушли в юго-западном направлении. Клаус вздохнул с облегчением, мысленно поблагодарив небеса за спасение. Он не особо верил в Бога (и мать, и отец редко посещали кирху), но считал, что религия – это надо, так положено, освящённая веками традиция. И её надо соблюдать. В общем, как все, так и я.

Рёв штурмовиков постепенно затих вдаль, и Клаус отдал приказ идти дальше. Через пару километров показалась небольшая (всего с десятков домов) деревенька, за ней – тёмная опушка леса. Небель сверился с картой: всё верно, за лесом тот самый автомобильный мост, который ему поручили взять. Он хотел уже, как всегда, проскочить с ходу, но потом подумал: уж больно хорошее место для засады!

Дорога в этом месте совсем узкая, никуда не свернёшь, а по обочинам – густой кустарник, за которым так легко укрыть пушку. И даже не одну. По идее, следовало выслать вперёд небольшую разведгруппу, чтобы проверить обстановку на месте, но вот беда – мотоциклистов у него не было. И опять же – из-за проклятых русских дорог! Непролазная грязь легко засасывала двух-и трёхколёсные BMW, они безнадёжно застревали. По этой же причине у него в роте не было и никакой артиллерии – даже 37-мм противотанковых Pak.35/36. Армейские грузовики с пушками просто не поспевали за танками – тоже вязли и отставали.

Последнее обстоятельство особенно не нравилось Небелю: ему уже приходилось иметь дело с тяжёлыми русскими машинами, и он прекрасно понимал, что ни короткие 50-мм орудия его «троек», ни тем более 20-мм автоматические пушки «двоек» не смогут справиться с толстой, почти непробиваемой «шкурой» русских монстров – если те, не дай Бог, ему встретятся по дороге. Могучие КВ были главной угрозой для всех без исключения немецких танков, и сладить с ними могла лишь артиллерия. Но, опять же, не всякая, а только мощные 105-мм орудия или же 88-мм зенитки, прозванные в Вермахте «ахт-ахт», «восемь-восемь».

Клаус вспомнил свою первую встречу с «Ворошиловым» и тяжело вздохнул – слишком уж неприятным оказалось это знакомство!

* * *

Встреча произошла возле небольшого украинского городка Берестечко. Приказ, полученный тогда Клаусом от командира 15-го танкового полка, до боли напоминал нынешний: «Достичь реки Стырь и захватить мост». Сделать это следовало быстро: немецкое командование знало, что к границе уже идут советские мехкорпуса, надо было во что бы то ни стало опередить их.

В подчинении у гауптмана Небеля тогда находилась целая броневая группа: двадцать панцеров, мотоциклетный взвод, мотопехота на «Ганомагах» и ещё противотанковая батарея. Панцеры – в основном, конечно, чешские Pz.38(t) и лёгкие «двойки», но были также две «тройки» с 37-мм пушками. За ними следовали пять бронетранспортёров с пехотой и грузовики с противотанковыми орудиями на прицепах. Pak.35/36 ещё считались надёжным средством борьбы

с русской бронетехникой. Да, могли поразить, но только лёгкие БТ и Т-26. О других советских танках тогда, к сожалению, знали мало.

Шли, как и в этот раз, по неширокой дороге, среди зелёных рощ и желтеющих полей. Высота колосьев была уже такая, что в них легко мог скрыться человек. Иногда в полях там и тут мелькали какие-то странные фигуры, Небель присмотрелся: красноармейцы, пытающиеся поодиночке или же небольшими группами пробраться на восток. Остатки уже разбитых советских частей.

Он не преследовал их – всё равно никуда не денутся. Вот дойдут немецкие танки до Ровно, и русские окажутся в ловушке. Сами сдадутся как миленькие или же будут уничтожены. А пока... Пусть бегут! Лишь бы не вздумали открыть огонь по его колонне.

Погода стояла отличная, солнечная, правда, довольно жаркая – он даже разрешил своим панцергренадёрам открыть все люки, чтобы дышалось легче. И сам высунулся из башни Pz.III. Не военный поход, а просто приятная воскресная прогулка – смотри себе по сторонам и наслаждайся природой! Если бы ещё не пыль. Мелкая, противная, она вилась над дорогой серыми клубами, слепила, мешала дышать, забивала лёгкие и двигатели машин. Приходилось то и дело останавливаться и производить чистку моторов – иначе засорятся, и танки встанут.

Первым по шоссе тарахтели мотоциклисты лейтенанта Франца Пауля – разведка, за ним шёл Pz.III самого Небеля, потом – остальные танки. В середине колонны – бронетранспортёры с мотопехотой, за ними – грузовики с Pak.35/36 на прицепах. В кузовах машин на узких деревянных лавочках качались артиллерийские расчёты, на дне лежали длинные ящики со снарядами.

Через час дорога сделала резкий поворот, и перед Небелем открылась такая картина: длинный пологий спуск к реке Стырь, деревянный автомобильный мост через неё (к счастью, целый, русские не успели его взорвать). А вот перед ним... Советский танк, причём один, без всякого прикрытия.

Клаус тут же узнал его – тяжёлый «Клим Ворошилов». Мощный, отлично защищённый: броня – 75-мм, орудие – 76,2-мм и ещё три пулемёта. Настоящий стальной колосс! В Германии ничего подобного не было, да и в других европейских странах тоже. И с этим русским гигантом ему надо было что-то сделать – обойти не получится, КВ закрывал единственный путь к реке. И отступать, похоже, он не собирался.

На опушке леса группу Небеля поджидали мотоциклисты, благоразумно решившие не лезть вперёд. Клаус ещё раз посмотрел на КВ – экипаж никакой активности не проявлял. «Может, русские просто бросили его? – подумал с надеждой. – Скажем, кончилось горючее или просто сломался? Это было бы хорошо – не надо драться, терять драгоценное время...» Он немного подумал и приказал лейтенанту Паулю выслать к «Ворошилову» трёх мотоциклистов – для проверки. Вдруг и правда пустой? Но в случае чего – сразу же назад!

Лейтенант кивнул, три мотоциклиста, надрывно стреляя моторами, покатались к «Ворошилову». Но только выскочили на открытое место, как по ним открыли огонь – ударили два танковых пулемёта, башенный и курсовой. Били весьма точно – двух разведчиков убили мгновенно, третий же ещё проехал немного, но потом врезался в дерево и повалился. Мотор машины продолжал работать, ревел как бешеный, колёса крутились, но солдат был уже мёртв – уткнулся лицом в траву. Из пробитой головы потекла на землю тонкая струйка крови.

Небель выругался – ох уж эти упрямые русские! Могли бы спокойно отойти, и все были бы живы. Но нет же – стоят и ждут, чтобы героически умереть! Ладно, драться так драться! И приказал выкатить на прямую наводку противотанковую артиллерию – пусть поработает. Соваться с его танками к такому монстру – себе дороже! Расстреляет его пантеры издали, не даст даже подобраться на пистолетный выстрел.

Через минуту прибыли грузовики с расчётами. Солдаты дружно выскочили из кузовов, засуетились, разворачивая орудия к бою, потащили ящики со снарядами. Наводчики припали

к прицелам, командир батареи вопросительно посмотрел на Небеля: «Огонь?» Клаус кивнул – давайте! Чем быстрее разберёмся с этим русским монстром, тем лучше. И так столько времени уже потеряли! А нам надо скорее вперёд.

Но «Ворошилов», как оказалось, только и ждал этого: внезапно ожил, его 76,2-мм пушка звонко бабахнула, и на опушке леса вырос жёлто-чёрный фонтан. Затем – второй, третий, четвёртый. КВ бил осколочно-фугасными, во все стороны полетели разорванные тела людей, доски, ящики, перекрученные взрывом части орудий.

Русский гигант основательно перепахал всю опушку, уничтожив не только три орудия из четырёх, но и их расчёты. Тут и там валялись тела убитых солдат, слышались стоны раненых, громкие призывы о помощи. Среди разбитых, вырванных с корнем елей дымились ещё четыре мотоцикла разведроты – ей тоже досталось (остальные машины, к счастью, успели укрыть в чаще). Сам же «Ворошилов» даже не сдвинулся с места и не попытался отойти. Клаус Небель позеленел от злости: что за наглость! Они там что, считают себя бессмертными? Какое-то непонятное, нерациональное поведение!

Он, по сути, потерял почти всю противотанковую артиллерию, часть мотоциклетного взвода, но ни на метр не приблизился к цели. «Ворошилов» же не получил ни единой царапины. Клаус связался по радиации с батальонным командиром майором Хоффом, доложил о ситуации, запросил помощи авиации. Пусть немецкие самолёты разнесут это советское чудовище к чертям собачьим!

Но майор Хофф мрачно ответил, что бомбардировщики сейчас помочь никак не смогут – заняты в другом месте. Да и вообще – вызывать самолёты ради одного русского танка, пусть даже тяжёлого. У вас же столько техники, Небель, неужели сами не справитесь? Кроме того, при авиаударе может пострадать мост, он же деревянный, достаточно одного случайного попадания. А нам надо захватить его целиком, чтобы 11-я танковая дивизия без задержек перебравшись через Стырь и пошла на Ровно. Конечно, с русским танком могли бы разобраться полковые 105-мм гаубицы, но они, к сожалению, тоже отстали – дороги-то, сами знаете, неважные, да и с подвозом горючего возникли трудности. Собственно, если признаться, даже не трудности, а целая проблема: русские постоянно нападают на тыловые колонны, жгут цистерны, из трёх машин до места добирается в лучшем случае лишь одна. А бензина для наступающих частей Вермахта надо много: и танкам, и бронетранспортёрам, и грузовикам, и мотоциклам. И, конечно же, артиллерийским тягачам. Так что вы, герр гауптман, уж как-нибудь сами!

* * *

Из дневника начальника Генштаба ОКХ Франца Гальдера

1 октября 1941 года, 102-й день войны

Обстановка на фронте:

Группа армий «Юг». Наши войска, наступающие по западному перешейку (Перекоп) на Крым, несколько продвинулись вперёд. На восточном участке фронта 11-й армии создано напряжённое положение. 1-я танковая группа, подтягивая 13-ю танковую дивизию, продвигается на юг восточнее Днепра. Итальянские подвижные соединения очистили от противника северный берег Днепра. 17-я армия не может продвинуться из-за плохой погоды. 6-я армия начала движение на восток, выдвинув передовые отряды.

Группа армий «Центр». 2-я танковая группа оказалась в тяжёлом положении. Она не может вывести из боя свои части, действующие на правом фланге. Одному полку 25-й моторизованной дивизии не удалось оторваться от противника. 9-ю танковую дивизию также пришлось снова ввести в бой, вследствие чего задерживается её переброска на север. В остальном операция по прорыву фронта противника (численность и группировку сил которого нам удалось своевременно и правильно выявить) развивается успешно. На остальных участках фронта

группы армий, кроме атак противника местного значения, существенных боевых действий не было.

Группа армий «Север». Наши войска предприняли ряд атак местного значения на Ладожском участке фронта. На остальных участках – полное затишье.

Генерал Буле. Наличие танков во всех подвижных соединениях: в танковой группе Гудериана – около 50 % штатного состава; в других танковых группах— около 70–80 %; лучше всего положение в танковой группе Гёпнера, которая имеет четыре дивизии полного состава.

Обстановка на фронте вечером:

Группа армий «Юг». Следует временно приостановить наступление на Крым, так как неблагоприятная обстановка на восточном фланге 11-й армии (противник добился вклинения) сковывает артиллерию, предназначенную для поддержки наступления. Наши войска предпринимают контратаки. Танковая группа Клейста сравнительно медленно продвигается вперёд. Противник всё время оказывает сопротивление. Штюльпнагель топчется на месте. Ощущаются большие затруднения вследствие плохой погоды. Передовые отряды 6-й армии продвигаются вперёд. За ними следуют главные силы армии.

Группа армий «Центр». Танковая группа Гудериана прорвала на своём центральном участке оборону противника на всю глубину и продвинулась на 60 км. Вызывает тревогу положение на правом фланге танковой группы Гудериана. Этот фланг в результате упорных атак противника значительно отстал от наступающего центра. Своим левым флангом танковая группа продвинулась примерно на 20 км в глубину.

На остальных участках фронта группы армий затишье. Противник производит смену своих дивизий и обеспечивает личный состав зимним обмундированием.

Группа армий «Север». За исключением предпринятых противником атак местного значения на Ладожском участке фронта, активных боевых действий не велось. Завершающиеся бои на острове Эзель всё ещё носят упорный характер.

* * *

Сообщения Советского информбюро

Оперативная сводка за 1 октября 1941 года

Утреннее сообщение 1 октября

В течение ночи на 1 октября наши войска вели бои с противником на всём фронте.

Вечернее сообщение 1 октября

В течение первого октября наши войска вели бои с противником на всём фронте.

За 29 сентября уничтожено 26 самолётов противника. Наши потери – 9 самолётов. 30 сентября под Москвой сбит немецкий самолёт-разведчик.

Части тов. Акименко, действующие на западном направлении фронта, за несколько дней уничтожили 42 вражеских танка, 8 орудий и захватили знамя 5-го немецкого моторизованного батальона.

Глава вторая

Ладно, вздохнул Небель, сами так сами. Сделаем так: броня против брони, сталь против стали! Атакуем русского монстра своими главными силами – двумя Pz.III и пятью «чехами». А лёгкие «двойки» пусть пока побудут в резерве.

Чешский Pz.38(t), в принципе, неплохой танк – быстрый, подвижный, манёвренный. Лоб и башня – 25 мм, борт и корма – 15, орудие – 37 мм (как и у «тройки»). Если им удастся подойти к русскому достаточно близко и вклепить, как говорится, в упор, особенно в борт или корму. Неужели не подобьют? Небель подождал, пока к опушке подойдут «чехи», и приказал атаковать всем разом. Навалимся стаей, как охотничьи собаки на одинокого медведя.

Панцеры выстроились полукругом и дружно пошли на КВ, грамотно охватывая его с флангов. Время от времени делали короткую остановку и били по цели. Русские немного подумали, поводили стволом пушки туда-сюда, потом ответили. Тогда стало понятно, почему «Ворошилов» так нагло, можно сказать – вызывающе, себя вёл. Снаряды «троек» и «чехов» не могли ничего сделать с его толстой «шкурой».

Стальные болванки ударили по башне и корпусу, чиркали, рикошетили, оставляя чёрные длинные полосы – но не пробивали. Прочная броня выдержала все попадания. Зато 76,2-мм советская пушка легко дырявила немецкие машины. Причём на весьма приличном расстоянии.

Особенно не повезло экипажам Pz.38(t). Немецкие танкисты на чём свет проклинали хрупкую чешскую сталь – не имела должной вязкости, легко кололась. От любого, даже скользящего удара от стенок башни и корпуса отлетала острая окалина, она больно резала лицо и руки танкистов, а болты, на которых крепились броневые плиты, вылетали из своих гнёзд и превращались в маленькие снаряды. От прямых попаданий русских болванок чешские машины разваливались буквально на части.

Клаус Небель старался держаться позади всех, вперёд не лез, но ему тоже досталось – русский снаряд угодил под башню, её тупо заклинило. Пришлось прекратить атаку и отползнуть назад. Вскоре стало понятно, что бой проигран: «тройка» фельдфебеля Шаффе и четыре Pz.38(t) подбиты, Pz.III самого гауптмана серьёзно повреждён. К счастью, всем экипажам удалось спастись – благополучно добрались до леса. Последний «чех» пытался что-то сделать, но, кажется, суетился больше для вида: прятался за своих уже подбитых «собратьев» и огрызался издали, не рискуя идти на сближение.

Небель не стал осуждать слишком уж осторожного командира – в конце концов, тот был прав. Ясно, что 37-мм немецкие болванки лишь стучат по броне грозного «Ворошилова», но не пробивают её. Совсем как деревянная колотушка по толстой двери. Зачем же тогда лезть на рожон, рисковать головой? Это глупо – умереть мы всегда успеем.

«Ворошилов» же, казалось, совсем не пострадал – и не отошёл ни на метр. Клаус снова доложил о ситуации майору Хоффу, но тот опять раздражённо бросил: «Вы же опытный командир, Небель, неужели не можете справиться с одним-единственным русским танком? Ну придумайте же что-нибудь!»

* * *

И Клаус придумал: надо послать солдат в обход русского колосса, чтобы подобраться сзади и закидали гранатами. Обошли незаметно, по реке – и кинули связки на моторный отсек. А он пока отвлечёт внимание русских, устроит очередную атаку – но только для вида, не более того. И так сколько уже машин потеряли!

Вызвали восьмерых пехотинцев-добровольцев – вполне достаточно для одной небольшой операции. Клаус сам объяснил задачу: вдоль берега густые камыши, по ним можно незаметно

подобраться к русскому гиганту, потом – гранаты на моторный отсек, и дело сделано. Наверняка «Ворошилов» загорится! И тогда русскому экипажу всё же придётся оставить машину – не захотят же, в самом деле, зажариться в ней заживо?

Скрутили проволокой гранаты (одна посередине, три вокруг), сделали восемь тяжёлых связок. Получилось, конечно, несколько неудобно, зато рванёт просто замечательно. Задержка – пять секунд, вполне хватит, чтобы кинуть на корму и отбежать назад, нырнуть в реку. Солдаты разделись и, оставшись в одних трусах, полезли в воду – благо, жарко, купание даже приятно освежало. И осторожно, прячась в камышах, стали подбираться к русскому монстру, охватывая его с двух сторон.

Сам же Небель приказал начать новую атаку. Но теперь вперёд пошли лёгкие и юркие «двойки». «Ваша цель, – сказал он командирам, – только отвлечь внимание русских, чтобы они не заметили наших солдат. Так что близко не лезть, бить издали и главное – ни в коем случае не подставляться под выстрел. Манёвр и скорость, скорость и манёвр!»

«Двойки» вылетели из леса и закружились в странном замысловатом танце, изображая яростное нападение. Налетали на КВ, отскакивали вбок, прятались за уже подбитые машины. И стреляли, стреляли... Правда, без особого результата – что могли сделать их 20-мм пушки 75-мм стальной броне КВ? Как говорится, горох о стенку.

Русский монстр подумал, неспешно поводил туда-сюда «хоботом», словно к чему-то прихвываясь, но отвечать не стал. Видимо, решил, что особой опасности пока нет. Если с ним не справились Pz.III и Pz.38(t), то чего бояться этой мелюзги? С их-то 20-мм пукалками! Пусть себе скачут, это неопасно!

Небель хорошо видел, как его пехотинцы по пояс в воде постепенно приближались к «Ворошилову». Ещё две-три минуты – и на мотор полетят связки гранат. Хоть одна, да пробьёт броню, подожжёт двигатель. И всё, дело сделано: сидеть в пылающей машине русские точно не захотят.

Но когда до цели оставалось не более пятидесяти метров, «Ворошилов» вдруг повернул башню и ударил вдоль реки – прямо по немецким солдатам. Один ДТ, курсовой, бил вправо, другой, кормовой, – влево, и оба – точно в цель. Свинцовый дождь легко косил пехотинцев, вода мгновенно сделалась красной, а уцелевшие кинулись в разные стороны, кто куда. Некоторые успели нырнуть, отплыть в сторону, но их всё равно доставали длинные очереди. Это было настоящее побоище, без всякой пощады. Из восьмерых человек не выжил никто...

Гауптман Небель сжал кулаки в бессильной ярости. Вся его броневая мощь оказалась бессильна против одного-единственного русского танка! Пушки КВ не берут, подобраться и взорвать его невозможно. Да этот «Ворошилов», похоже, просто заколдованный какой-то! Как же ему быть? Не выполнить приказ нельзя, но ещё терять людей и панцеры – тоже очень плохо, с чем тогда наступать? Война-то только началась.

И Клаус от отчаянья решился – нужно использовать русский опыт, танковый таран. Он уже видел такой – пару дней назад, под Радеховом. Надо разогнаться сильнее (благо, местность идёт под уклон), а потом на полной скорости врезаться в проклятый КВ. Тогда точно добьёт его! Конечно, при этом он сам наверняка погибнет, но что делать – такова, видимо, его судьба. И лучше уж умереть с честью в бою, чем попасть под суд за невыполнение приказа.

Разумеется, в танке он будет один, другим умирать ни к чему. На нём вся ответственность за операцию, значит, ему и делать... Небель поделился своей идеей с механиком-водителем Зигелем, тот с сомнением покачал головой: не получится, герр гауптман!

– Почему же? – удивился Клаус. – Я неплохо умею водить машину, не хуже тебя, а мимо такой громады уж точно не промахнусь.

– Дело не в этом, – поморщился Зигель, – во-первых, вас, господин гауптман, подбьют раньше, чем вы доберётесь до цели. Судя по результатам, – кивок на склон, где догорали подбитые панцеры, – русские умеют неплохо стрелять, одно точное попадание – и вам конец. Во-

вторых, если даже вам удастся добраться до «Ворошилова», это мало что изменит. Вес нашей «тройки» – двадцать три тонны, у русского же, судя по габаритам, как минимум в два раза больше. Этот стальной колосс, полагаю, от удара даже не стронется с места.

А потом легко скинет вас с себя – словно котёнка. Вы же сами погибнете, а мы потеряем ещё один Pz.III. Бессмысленная жертва!

Небель почесал в затылке, но согласился: да, пожалуй, Зигель прав – превосходство в массе у русского колосса очевидно. Надо полагать, даже не в два, а как минимум в два с половиной раза. В «Ворошилове» пятьдесят с чем-то тонн, и его просто так с места не сдвинешь, не столкнёшь в реку.

Клаусом овладело отчаяние – решения вопроса не находилось. А солнце между тем уже клонилось к горизонту, ещё несколько часов – и станет совсем темно. А наступать ночью нельзя. Значит, он не успеет выполнить приказ, и это очень плохо. Однако «Ворошилов», как выяснилось, не собирался ждать до темноты: его двигатель внезапно взревел, и он начал медленно пятиться к мосту. А потом и пополз через него... Настил опасно закрипел, затрещал, застонал под непомерной стальной тяжестью, даже, кажется, треснул, но всё-таки выдержал. И KV успешно перебрался на тот берег.

Клаус Небель мысленно вознёс хвалу Богу – спасибо, услышал мои молитвы! Но радовался он рано: «Ворошилов» вдруг остановился и, прежде чем окончательно скрыться за лесом, сделал несколько выстрелов. Прямо по деревянным опорам моста. Фугасы легко разнесли их в клочья.

Гауптман Небель излил на головы проклятых большевиков весь свой запас ругательств, но это ничего не изменило: русские безнаказанно ушли, переправа через реку уничтожена, ближайший путь на Ровно закрыт.

* * *

Клаус потряс головой, прогоняя неприятные воспоминания, и решил потихоньку, со всей осторожностью продолжить движение. Не стоять же ему здесь вечно! Неподвижный танкер – отличная мишень. К тому же требовалось скорее захватить мост, пока русские не взорвали его, и желательно – опять же до сумерек, чтобы потом не шарахаться в темноте. Можно легко сползти с дороги и попасть в грязевую ловушку, вытаскивая потом полночи свои машины!

И Клаус Небель отдал приказ – вперёд! Возглавил атаку он сам, за ним пошли «двойки», прикрывая друг друга, а замыкала строй «тройка» фельдфебеля Генриха Кюхта (как резерв). Если надо будет – тут же вступит в бой, поддержит атаку. Хотя, по идее, её следовало беречь – находилась уже не в лучшем состоянии: ремонтники только что заделали две дыры в её левом борту, да и двигатель сильно барахлил, тоже получил повреждение. Но иного резерва не было – приходилось воевать с тем, что осталось.

Гауптман, разумеется, знал, что против русских орудий (как полевых, так и танковых) у его «двоек» слишком слабая защита, но надеялся на их скорость и манёвренность: если что, сумеют вырваться из засады, уйти в сторону или же спрятаться за деревья. Они же проворные, вес меньше десяти тонн, легко обогнут опасный участок по обочине или же прямо по полю, а потом зайдут русским в тыл. А он тем временем примет весь огонь на себя – отвлечёт внимание, даст возможность Pz.III совершить манёвр.

Собственно, Клаус как бы специально подставлялся – в надежде на то, что русские, занятые им, не заметят, как его шустрые «двойки» прорвутся на фланги и подавят противотанковую артиллерию. У автоматических 20-мм KwK.30 отличная точность и скорострельность (только успевай магазины менять!), без проблем справятся с русской пехотой и «сорокапятками». И тогда его танкеры ворвутся в деревню... А он завершит разгром: его Pz.III пройдёт стальными

гусеницами по тому, что ещё будет шевелиться, вдавит людей в мягкую, податливую землю. Если те, конечно, не успеют убежать.

И вот его танки, разбрызгивая грязь, пошли в атаку – один за другим, натужно ревя моторами. И бдительно поводя из стороны в сторону стволами орудий. Но едва приблизились к крайней избе, как на дороге разверзся настоящий ад – слева и справа ударили русские пушки. Большевики, как выяснилось, устроили весьма серьёзную засаду: спрятали в кустах не только «сорокапятки», но и более сильные «трёхдюймовки».

Панцергренадёры, прямо скажем, не ожидали такого слаженного, умелого нападения – привыкли к тому, что русские отходят почти без боя. А тут настоящий огненный вал, причём с двух сторон и как минимум из восьми орудий. И практически в упор.

Основной удар пришёлся как раз по «двойкам»: вопреки хитрым расчётам гауптмана Небеля, русские артиллеристы, набравшись опыта, уже прекрасно знали, какие танцы легче всего вывести из строя. Был и простой расчёт – сделать на узкой, неудобной дороге затор из горящих машин. Тогда и головной «тройке» некуда будет деваться, непременно попадёт в огненную ловушку. В общем, всё сделали по-военному умно и правильно.

Лёгкие немецкие машины получали снаряды и в лоб, и в бок – и слева, и справа. Пытались, конечно, маневрировать, уходить, прорываться по обочине, но не всегда успевали: советские снаряды одну за другой выводили их из строя. Не слишком прочная 14,5-мм броневая сталь «двоек» не выдерживала прямых попаданий 76,2-мм болванок, разлеталась от удара смертельными осколками, и они ранили и калечили экипажи.

Танцы сталкивались, ударялись, сцеплялись, вставали намертво. Экипажи быстро полезли наружу – прочь из горящих машин! Но по ним тут же начали бить прятавшиеся в кустах красноармейцы – давно этого ждали. Стреляли, может быть, не так метко, как хотелось бы, но зато густо, обсыпая каждую машину буквально градом пуль. Панцергренадёры, разумеется, отвечали из табельного оружия, но это помогало мало, слишком уж большой перевес у противника. В общем, это оказался полный разгром.

* * *

Сообщения Советского информбюро Оперативная сводка за 2 октября 1941 года

Утреннее сообщение 2 октября

В течение ночи 2 октября наши войска вели бои с противником на всём фронте.

Вечернее сообщение за 2 октября 1941 года

В течение 2 октября наши войска вели упорные бои с противником на всём фронте. На одном из участков западного направления фронта бойцы подразделения капитана Кондратенко уничтожили 12 немецких танков, 8 бронемашин и захватили много оружия.

* * *

Из дневника начальника Генштаба ОКХ Франца Гальдера 2 октября 1941 года, 103-й день войны

«Тайфун». 2-я, 4-я и 9-я армии переходят в наступление.

Обстановка на фронте:

Группа армий «Юг». Войска 11-й армии ведут контратаки на восточном участке фронта. Танковая группа Клейста, прикрывая свой восточный фланг, продолжает наступать в южном направлении. Командование группы армий «Юг» вмешалось в ход операции и развёртывает

фронт наступления 17-й и 6-й армий, продвигающихся сейчас на северо-восток, в обратную сторону. Два северных корпуса Рейхенау (6-я армия) и два корпуса Штюльпнагеля (17-я армия) объединяются в новую 6-ю армию с задачей наступления на Харьков. Южный корпус Рейхенау развёртывается на восток и объединяется с двумя южными корпусами Штюльпнагеля в новую 17-ю армию с задачей наступления южнее Донца на юго-восток в направлении Донбасса. Эти изменения, вызванные требованиями ОКХ, следует всячески приветствовать. Можно надеяться, что удерживающаяся плохая погода не слишком замедлит темпы этой перегруппировки.

Группа армий «Центр». Сегодня в 5:30 войска, используя ясную осеннюю погоду, начали крупную операцию «Тайфун». Танковая группа Гудериана, несмотря на затруднения на своём отставшем правом фланге, продолжает продвигаться вперёд. Остальные наступающие армии и танковые группы к середине дня продвинулись только на 6–12 км. На отдельных участках фронта противник поспешно отходит.

Группа армий «Север». Существенных изменений не произошло. В полосу группы армий «Север» начали прибывать части испанской дивизии и 227-й пехотной дивизии из Франции.

Обстановка на фронте вечером:

Группа армий «Юг». В Крыму существенных изменений не произошло, так как силы для дальнейшего наступления ещё не прибыли. Кризис на восточном участке фронта 11-й армии преодолён. На фронте 17-й армии существенных изменений не произошло. Отмечены лишь небольшие успехи на левом фланге 17-й армии. Передовые отряды 6-й армии начали смену частей южного фланга танковой группы Гудериана.

Группа армий «Центр». Главные силы группы армий перешли в наступление («Тайфун») и успешно продвигаются. Гудериан считает, что его соединения прорвали оборону противника на всю глубину. Соединения группы Гудериана, действующие в центре, стремительно наступают на Орёл. 2-я армия вела упорные бои при форсировании Десны. Ей удалось форсировать реку и отбросить противника примерно на 5 км. 4-я танковая группа рассеяла сопротивлявшиеся группы противника и продвинулась на 15 км в глубину. Войска 4-й армии успешно наступают на всём фронте и продвинулись в среднем на 6–12 км. Танковая группа Гота и 9-я армия вполне успешно наступают, продвинувшись до 20 км в глубину.

Группа армий «Север». Противник предпринимает контратаки юго-восточнее озера Ильмень (на участке 30-й пехотной дивизии). На остальных участках фронта затишье. Пленные показывают, что на Ладожском участке фронта противник производит перегруппировку и пополняет свои соединения, готовясь к новому наступлению.

* * *

Из Приказа германским войскам на Восточном фронте от 2 октября 1941 года

...Солдаты! Когда я призвал вас 22 июня, чтобы отразить ужасную опасность, нависшую над нашей Родиной, вам противостояла самая большая военная сила всех времён. Благодаря вашей храбрости, мои товарищи, в течение трёх месяцев мы одну за другой сокрушали танковые бригады противника, уничтожали бесчисленные дивизии, взяли невероятное количество пленных, оккупировали обширные области – не пустые, а те, на которых противник жил и из которых его гигантская военная промышленность снабжалась всеми видами сырья.

Через несколько недель его три наиболее важных индустриальных района будут полностью в наших руках. Ваши имена, солдаты германских вооружённых сил, и имена наших храбрых союзников, имена ваших дивизий и полков, танковых соединений и авиаэскадрилий будут навсегда связаны с наивеличайшими победами в истории. Вы взяли более чем 2 400 000 пленных, уничтожили и захватили более чем 17 500 танков и более чем 21 600 орудий. 14 200 самолётов были сбиты или уничтожены на земле.

Мир до сих времён не ведал подобного. Территория, захваченная германскими и союзными войсками, более чем в два раза больше территории Германской империи в границах 1933 года и более чем в четыре раза больше Британских островов...

...Позади вашего огромного фронта ведётся гигантская работа. Построено около 2000 мостов, 25 500 километров железных дорог снова функционируют; фактически более чем 15 000 километров железных дорог уже перебиты на европейскую колею. Строятся тысячи километров дорог. Обширные территории уже перешли под контроль гражданской администрации. Жизнь там быстро восстанавливается согласно разумным законам. Стали доступными огромные запасы пищевых продуктов, топлива и боеприпасов.

Эти выдающиеся достижения оплачены жертвами, что болезненно в каждом отдельном случае, но общее количество жертв не превысило ещё и пяти процентов от количества жертв Мировой войны. Никто не знает лучше, чего вы, мои товарищи, и ваши храбрые союзники добились за эти три с половиной месяца, чем один из солдат, полностью выполнивших свой долг в прошлую войну. За эти три с половиной месяца, мои солдаты, была по крайней мере создана предпосылка для окончательного мощнейшего удара, который должен сокрушить этого противника до наступления зимы.

Все приготовления – насколько люди способны предвидеть – сделаны. Систематически, шаг за шагом, мы поставили противника в такое положение, что можем теперь нанести ему смертельный удар. Сегодня начинается последнее, решающее сражение этого года. Этот враг будет полностью разбит, а вместе с ним и подстрекатель всей войны – сама Англия. Потому что, уничтожая этого противника, мы также уничтожаем последнего английского союзника на Континенте. Таким образом, мы освободим Германскую империю и всю Европу от опасности, страшней которой не было со времён гуннов и – позднее – монгольских племён.

Именно поэтому в течение следующих нескольких недель германский народ будет с вами – ближе, чем когда-либо до этого. Мы уже испытываем самую глубокую благодарность за то, чего вы и союзные солдаты уже добились. Затаив дыхание, вся германская Родина благословляет вас и будет с вами в грядущие трудные дни. С помощью Господа вы добьётесь не только победы, но и важнейшего условия для заключения мира.

Адольф Гитлер

Фюрер и Главнокомандующий Вооружёнными силами

Глава третья

По танку Клауса Небеля русские пушки тоже били, но, к счастью, водитель Зиберт был готов к этому – среагировал быстро. Ещё до приказа командира он резко повернул штурвал влево, уводя машину за какой-то старый сарай на обочине. За ним можно временно укрыться и ответить из танкового орудия.

Но, как выяснилось, русские только этого и хотели: выскочили откуда-то сзади и кинули на моторный отсек пару бутылок с зажигательной смесью, а следом ещё и гранату. И обратно в кусты. Раздался взрыв, затем по броне потёк огненный ручей, который грозил в скором времени превратиться в настоящую пылающую реку. Двигатель же бензиновый, займётся быстро.

– Все из машины! – крикнул Небель.

Два раза повторять не пришлось: все мгновенно выскочили на броню, скатились вниз, залегли у гусениц. По ним, разумеется, стали стрелять из винтовок, пули звонко защёлкали по стали. Пришлось вжаться в дорожную грязь – фонтанчики брызг возникали совсем рядом. Ни отбежать, ни даже отползти – вообще головы не поднять.

Гауптман Небель, спрятавшись за гусеницей, отдавал в ларингофон приказы, не заметив в горячке боя, что провод оборван и висит у него на уровне живота. Всё нажимал на танкету и повторял:

– Кюхт, давай сюда, прикрой нас!

Стрелок Юнгельт поднял обрывок провода, показал Клаусу, тот несколько секунд смотрел на него непонимающим взглядом, а потом громко выругался, сорвал с головы гарнитуру и бросил далеко в сторону. Как теперь вызывать Кюхта?

Но помощь всё же пришла: Кюхт, державшийся позади роты, сумел избежать серьёзных повреждений: несколько длинных, рваных полос на броне не в счёт, болванки лишь чиркнули по башне и ушли по касательной. Он прекрасно видел, что делается на дороге, как горит танк командира, а экипаж прячется за гусеницами, но подойти близко не мог: огонь русских пушек был слишком силен. К счастью, помогли свои же «двойки»: их густой, тяжёлый дым закрыл советским артиллеристам обзор, и тогда Кюхт смог наконец пойти вперёд. Конечно, это было очень опасно, в любой момент в горящих танках мог рвануть боекомплект, но нельзя же бросать своих товарищей на поле боя, а тем более – ротного!

«Тройка» Кюхта взревела и на полной скорости пошла на выручку к Небелю. Приходилось резко маневрировать, обходить пылающие Pz.II и в то же время прятаться за них, стараясь не подставлять свои слабые борта и корму. Чёрный смрадный дым, запах горячего машинного масла и тлеющей человеческой плоти – всё это наполняло воздух, дышать было совсем нечем, но Кюхт и его экипаж терпели – понимали, что от них зависит жизнь боевых товарищей.

Успели: подскочили к танку Небеля буквально в последнюю минуту, когда огненный ручей уже потёк внутрь мотора. Ещё немного – и полыхнёт со всей силы, а затем наверняка взорвётся боезапас. Кюхт закрыл своим боком «тройку» Небеля, давая возможность командиру и экипажу укрыться за ним. Клаус закинул раненого Зиберта на корму танка-спасителя, залез сам, туда же забрался стрелок Юнгельт и заряжающий Штассель. Наводчик Монке, к сожалению, был уже мёртв. Через секунду танк Кюхта, тяжело лязгая гусеницами, пополз обратно. Огрызался, бил из пулемёта и орудия, но скорее наугад, чем по какой-то конкретной цели: из-за густого дыма почти ничего не было видно.

В башню по касательной попали ещё две русские болванки, удары отозвались звонким и оглушающим гулом в ушах, но, к счастью, стальные «чушки» броню не пробиты. С большим трудом, едва не врезавшись в собственную горящую «двойку», «тройка» Кюхта ушла из-под обстрела и скрылась за небольшим холмом.

Отдышались, посчитали потери – они оказались просто ужасающими: из шести машин пять потеряно, причём две – безвозвратно: горят слишком сильно, починить не выйдет. Из людей – половина убиты и тяжело ранены, а остальные слишком потрясены, чтобы что-то делать. О том, чтобы идти дальше, теперь не могло быть и речи – не с кем, да и не на чем. Осталась одна «тройка» Кюхта, и её следовало побережь на случай русской контратаки. Если сейчас большевики решат ударить – отвечать им будет почти нечем. Придётся быстро отступать, точнее, просто бежать.

Надо дожидаться подкрепления, и прежде всего – тяжёлой артиллерии. Без неё, похоже, не пробиться: если даже подойдут новые машины, на узкой дороге они опять превратятся в удобные мишени.

* * *

К счастью, русские не решились на контратаку, очевидно, предпочли тактику засад и активной обороны. Что было логично: местность вокруг сильно пересечённая, много ложбинок, оврагов, где легко спрятаться, а в высоких густых кустах можно укрыть противотанковую артиллерию. Ну а о русских дорогах всё уже было сказано: для наступающих крайне неудобно, зато для обороняющихся самое оно – узкие, извилистые, плохо проходимые для любой техники, даже гусеничной.

Гауптман Небель, взобравшись на пригорок, оглядел окрестности: слева и справа – картофельное поле, земля мокрая, липкая, сплошной суглинок. Конечно, сапёрный батальон смог бы проложить через него гати (лес-то рядом!), чтобы прошла бронетехника, но работать на виду у русских артиллеристов... Те уже доказали, что умеют стрелять быстро и весьма точно, а снарядов у них, судя по всему, достаточно. Интересно, как они их доставляют? Скорее всего, на лошадях – самый удобный вид транспорта в данных условиях.

Русские лошадки, как успел заметить гауптман, хотя и были неказисты на вид, зато крепки и выносливы и проходили практически всюду. Говорили, что их далекие предки прибыли на Русь вместе с ордами монголов, отсюда – их невысокий рост и некоторая «мохнатость». Зато безропотные, терпеливые, способные работать почти круглые сутки. Они оказались лучше и надёжней любых европейских машин: не нужно бензина, масла, обходятся подножным кормом. Клаус вздохнул:

к сожалению, его танкам без горючего никак нельзя, а гусеницы, как выяснилось, недостаточно широки, чтобы свободно идти по русскому бездорожью.

Единственным утешением было то, что сам он жив и даже не ранен. Увы, приказ выполнить не удалось, мост не взят, но на войне всякое случается. Приходится даже иногда временно отступать. Клаус забрался обратно в танк Кюхта и связался по радиации с командиром батальона майором фон Лаухертом, доложил о русской засаде. Тот приказал ничего не предпринимать, просто ждать. Вот придёт подмога, тогда и попробуем взять деревню снова, а вместе с ней и мост.

Через некоторое время помощь действительно прибыла – танковая рота обер-лейтенанта Вильгельма Вальшагера, шесть чешских Pz.35(t). Тоже лёгкие машины (броня лба – 25 мм, борт и корма – 16 мм, вооружение – 37-мм пушка и два 7,92-мм пулемёта), но других нет. Зато достаточно маневренные и быстрые. Может, удастся обойти русских по полю и выбить из деревни?

Вилли Вальшагер поговорил с Небелем, оценил обстановку и решил наступать не по шоссе, где их точно ждала артиллерия, а действительно прямо через картофельное поле. Танки лёгкие, вес, как у «двоек», чуть больше десяти тонн, моторы очень хорошие, мощные, вполне хватит, чтобы выбраться из липкой грязи. И в любом случае это гораздо безопаснее, чем переть прямо на русские пушки.

Панцергренадёры грамотно выстроили машины углом назад и пошли на деревню, Небель же остался наблюдать за атакой – поддержать он всё равно не смог бы, не на чем! Кроме того, следовало привести в порядок то, что ещё осталось от его роты.

Проворные «чехи», как и рассчитывал Вальшагер, без особого труда преодолели картофельное поле и пошли к деревне. Русские пока молчали – очевидно, не успели занять новые позиции. Можно атаковать! Единственное, что несколько смущало обер-лейтенанта, – какие-то кучи земли, тут и там видневшиеся среди пустых картофельных грядок. Не засада ли это? Как-то уж больно странно выглядят... Но он всё же решил наступать – время не ждёт, русские могут в любую минуту подтянуть артиллерию.

И он оказался прав – это действительно оказалась засада: среди грядок прятались истребители танков. Капитан Симонов, командир стрелкового батальона, защищавшего деревню и мост, правильно рассудил: немцы не дураки, получив один раз по зубам, второй раз в лоб не полезут, по шоссе не пойдут. Значит, попробуют в другом месте. Где удобнее всего? Правильно, в обход, через картофельное поле. Пусть оно и вязкое, мокрое, глинистое, но пройти, по идее, можно, особенно на лёгкой бронетехнике. Вот и надо прикрыть опасное направление.

Ещё рано утром он приказал бойцам вырыть стрелковые ячейки между грядками и хорошенько замаскироваться. Что они и сделали – закопались по самые уши. Во время первой немецкой атаки истребители сидели тихо, себя не выдавали – рано ещё. И вот наконец пришла пора.

Из противотанковых средств у красноармейцев были лишь бутылки с зажигательной смесью и тяжёлые, неудобные РПГ-40, но и этого вполне достаточно. Главное – правильно бросить: если «зажигалка» – сзади на моторный отсек, если же РПГ-40 – то в борт или в гусеницу. Но так, чтобы обязательно ударилась о сталь – взрыватель срабатывал лишь в этом случае. Не добросишь, промахнёшься – толку не будет, ничего не произойдёт. Вот и ждали бойцы до последнего, пропуская немецкие танки мимо себя, сидели, скрючившись, в тесных ячейках.

И дождались: панцеры прошли мимо, подставив борта и корму. И тут из-под земли, словно черти, стали выскакивать чёрные, перемазанные глиной люди и бросать в машины «зажигалки» и РПГ-40, а затем отпрыгивать в сторону и снова прятаться в земле.

Эффект неожиданности сработал: три «чеха» загорелись сразу же, в том числе и машина самого Вальшагера, остальные прекратили атаку, развернулись и начали стрелять. Но куда бить, было неясно: вокруг же одни картофельные грядки, противника не видно. Советские бойцы ловко, по-пластунски ускользали от танцеров, сливались с землёй, замирали в своих ячейках. И дым от горящих танков помогал им, закрывал экипажам обзор. Пулемёты густо били во все стороны, но толку от этого почти не было.

Зато активизировались советские артиллеристы: слаженно, дружно заработали «сорокапятки». Они, вопреки расчётам Вальшагера, всё же успели переместиться и занять новые позиции. Им отлично были видны немецкие машины – прямо-таки мишени в чистом поле. Артиллеристы подбили ещё одного «чеха», а два последних предпочли сами покинуть поле боя. В общем, атака опять не удалась.

Обер-лейтенант Вальшагер сообщил о неудаче полковнику фон Заукену – командир должен знать о возникшей проблеме. Тут силами одной танковой роты точно не справиться, надо гораздо больше сил. И обязательно – поддержка с воздуха, лучше всего пикирующими бомбардировщиками, Ю-87. Иначе эту проклятую деревеньку нам ни за что не взять...

* * *

**Сообщения Советского информбюро
Оперативная сводка за 3 октября 1941 года
Утреннее сообщение 3 октября**

В течение ночи на 3 октября наши войска вели бои с противником на всём фронте.

Группа капитана Шевцова, длительное время оперировавшая в тылу врага на западном направлении фронта, уничтожила свыше 3000 немецких солдат и офицеров, 32 танка и много автомашин. Только на дорогах Витебск – Смоленск и Минск – Смоленск группа разгромила 17 немецких транспортов. В районе В. был разбит батальон СС и захвачено 13 станковых пулемётов.

Вечернее сообщение 3 октября

В течение 3 октября наши войска вели бои с противником на всём фронте.

За 1 октября в воздушных боях сбито 16 самолётов противника. Наши потери – 8 самолётов. Кораблями Северного флота уничтожена немецкая подводная лодка.

* * *

Из дневника начальника Генштаба ОКХ Франца Гальдера

3 октября 1941 года, 104-й день войны

Обстановка на фронте:

Группа армий «Юг». Ничего существенного не произошло.

...Начата перегруппировка 6-й и 17-й армий. Решение, которое на свой риск приняло командование группы армий «Юг», бросив два левофланговых корпуса 17-й армии в наступление на северо-восток, даёт основание предполагать, что командование группы армий не едино в своих соображениях по поводу дальнейшего плана действий.

Группа армий «Центр». Ничего нового. На отдельных участках наши войска продвинулись, по-видимому, несколько больше, чем предполагалось вчера. Бросок 255-й пехотной дивизии 27-го армейского корпуса оказался безуспешным и преждевременным, принёсшим нам большие потери. Причина несвоевременного начала наступления – честолюбие командира корпуса генерала Вегера.

Командование танковой группы Гота жалуется на недостаточную подвижность 1-й танковой дивизии, действующей на северном фланге танковой группы. Ничего удивительного в этом нет: дивизия недавно прибыла из-под Ленинграда, где она вела тяжёлые бои и совершенно не имела времени, чтобы отдохнуть и привести себя в порядок. Аналогичного положения следует ожидать в 19-й и 20-й танковых дивизиях.

Группа армий «Север». Никаких существенных изменений. Переброска испанской дивизии и 227-й пехотной дивизии несколько затягивается вследствие разрушений на железной дороге (действия партизан). Прибытие новых сил вызывает у командования группы армий колебания в отношении плана наступления.

Обстановка на фронте вечером. Отмечено очень успешное продвижение танковой группы Клейста. Успехи на левом фланге 17-й армии, где противник, очевидно, настолько малочислен, что отходит даже под натиском незначительных сил. Передовые отряды 6-й армии продолжают подтягиваться и сменять части правого фланга танковой группы Гудериана.

На фронте, где осуществляется операция «Тайфун», весьма значительные успехи. Танковая группа Гудериана достигла Орла. На остальных участках фронта группы армий сопротивление противника почти всюду сломлено (за исключением фронта 2-й армии). Танковые дивизии продвинулись на 50, а пехотные дивизии – до 40 км. Противник продолжает удерживать фронт и ведёт упорную оборону всюду, где он в состоянии её организовать. Кое-где отмечено даже подтягивание резервов противника к фронту. Признаков преднамеренного отхода нигде не заметно.

Группа армий «Север». Противник произвёл сильную атаку на Ладожском участке фронта (в полосе 8-й танковой дивизии), а также атаковал с востока и запада наши войска, расположенные на побережье Финского залива. Все атаки отражены.

* * *

Из радиообращения рейхсканцлера А. Гитлера к нации по случаю открытия кампании «Зимней помощи» от 3 октября 1941 года

...Утром 22 июня началось самое большое в мировой истории сражение. С тех пор прошло около трёх с половиной месяцев, и сейчас я говорю: всё с тех пор идёт согласно нашим планам. В течение этого периода времени мы ни на секунду не упустили инициативы из рук. До этого дня каждое действие принималось в соответствии с планом, так же как ранее на востоке против Польши, позже – против Запада и, наконец, против Балкан.

Но я должен в связи с этим сказать одну вещь. Мы не ошиблись в наших планах. Мы также не ошиблись в оценке эффективности и храбрости немецкого солдата. И мы не ошиблись насчёт качества нашего оружия. Мы не ошиблись относительно прекрасной организации фронтов и службы тыла, осваивающей гигантские области. И мы не ошиблись насчёт нашего фатерлянда. Однако насчёт одной вещи мы ошиблись. Мы понятия не имели, насколько грандиозными были приготовления этого врага против Германии и Европы и как невероятно велика была опасность, как мы чудом избежали разрушения не только Германии, но и всей Европы.

Я говорю это только сегодня, потому что я могу сказать, что этот враг уже сокрушён и никогда не поднимется снова. Его мощь была сконцентрирована против Европы, которая, к несчастью, ничего об этом не знала, а многие и сейчас не имеют об этом ни малейшего понятия. Это было бы второе нашествие Чингисхана. Тем, что эта опасность была предотвращена, мы обязаны в первую очередь храбрости, выносливости и самоотверженности германских солдат, а также самоотверженности наших союзников.

...Течение это беспрецедентного процесса знакомо вам по описаниям. Из трёх германских групп армий одна имела задачу расколоть центр и открыть пути направо и налево. Две фланговые группы имели следующие задачи: одна должна была наступать на Ленинград и другая – захватить Украину. Эти первичные задачи были в основном выполнены. Мы – к востоку от Смоленска, мы – перед Ленинградом и на Чёрном море. Мы у Крыма, а не русские на Рейне. Линия фронта, на которой сражаются германские солдаты, от 800 до 1000 километров по карте. Реальная её протяжённость в полтора-два раза больше.

...Говорим ли мы о наших лётчиках-истребителях, или пилотах пикирующих бомбардировщиков, или о наших подводниках, говорим ли мы, наконец, о наших альпийских стрелках на

Севере, говорим ли мы о людях из подразделений СС – все они одинаково хороши. Но прежде всего, особенно сейчас, я хочу подчеркнуть выдающуюся роль германских пехотинцев. У нас есть три дивизии, друзья мои, которые с весны прошли маршем от двух до трёх тысяч километров. И есть многочисленные дивизии, которые совершили переходы на расстояние от полутора до двух тысяч километров. Я хочу воздать должное германскому солдату. Он достиг совершенства. А также работники всех связанных с армией организаций – наполовину рабочие, но наполовину и солдаты. Потому что в это судьбоносное время практически каждый – солдат. Каждый рабочий – солдат. Каждый железнодорожник – солдат. На оккупированной территории каждый должен быть вооружён, это колоссальная территория. То, что делается в тылу, так же грандиозно, как и победы на фронте.

Кратко описывая картину уникальных достижений немецких солдат и всех, кто сейчас сражается или трудится на Востоке, я также хочу передать вам благодарность немецких солдат за превосходное, первоклассное оружие, которым страна снабдила их, и их благодарность за

боеприпасы, которыми они располагают в неограниченном количестве – зависящем только от скорости их транспортировки.

Есть одна проблема – проблема перевозок. Мы проследили, чтобы во время этой великой войны была хорошо организована служба доставки вооружения и боеприпасов, потому что я знаю – нет такого противника, которого нельзя победить с помощью достаточного количества боеприпасов.

И если время от времени вы читаете в газетах о грандиозных планах других государств, о том, что они намереваются сделать, когда собираются начать, когда вы слышите о миллиардных суммах, вспомните мои слова: во-первых, мы осваиваем целый континент, который используем в нашей борьбе; во-вторых, мы говорим не о капитале, а о рабочей силе и на все сто процентов вкладываем эту силу в дело. Если мы молчим, это не означает, что мы ничего не делаем.

Я прекрасно знаю, что другие делают всё лучше, чем мы. Они строят неуязвимые танки, которые быстрее наших и которым не нужен бензин. В сражениях мы множество из них вывели из строя. Это – решающее. Они строят чудесные самолёты, всё, что они делают, достойно удивления. Всё, что они делают, непостижимо, даже технически непостижимо, но у них нет машин, которые бы могли превзойти наши, и машины, в которых мы сражаемся сегодня, не те, в которых мы будем сражаться в следующем году.

Я верю, что это удовлетворит каждого немца. Обо всём остальном позаботятся наши изобретатели, и наши германские рабочие, и работающие женщины. Позади фронта храбрости и самоотверженности есть ещё и домашний фронт, фронт, состоящий из городов и сёл. Миллионы германских тружеников работают в городах и на селе. Весь народ объединился в борьбе.

Этот единый германский народ противостоит двум крайностям в остальном мире. С одной стороны – капиталистическое государство, которое отнимает у людей естественные права с помощью лжи и предательства, заставляя их интересоваться исключительно собственными интересами; с другой стороны – коммунистическое экстремистское государство, которое принесло невообразимую нищету миллионам и жаждет ввергнуть весь мир в такую же нищету.

По-моему, это налагает на нас только одну обязанность – бороться сильнее, чем когда-либо прежде, в защиту наших национал-социалистических идеалов. Нам должна быть ясна одна вещь. Когда эта война закончится, то победит в ней германский солдат – представитель рабочих и крестьян, настоящий представитель народных масс. Победа будет одержана германским тылом: миллионами рабочих – мужчин и женщин, – крестьян, творческой интеллигенцией. Все эти миллионы будут победителями. Те, кто трудится в тылу, имеют право знать, что это новое государство будет построено для них.

Фронтной войной породит ещё большее количество фанатичных национал-социалистов. В Германии правит один закон – тот, кто способен повести за собой – в военной ли, в политической или экономической области, – будет уважаем и ценен в Германии, но ещё более уважаемым будет простой труженик, без поддержки которого самый величайший правитель не добьётся ничего. Германский народ может сегодня гордиться: у него лучшие политические руководители, лучший генералитет, лучшие инженеры и управленцы в экономике, а также лучшие рабочие, лучшие крестьяне – лучшие люди.

Спать всех этих людей в одно нерасторжимое сообщество – вот задача, которую мы решаем самостоятельно как национал-социалисты. Эта задача стоит перед Германией более ясно, чем когда-либо прежде.

Я приехал с войны на один день с моей партийной программой, выполнение которой ещё более важно для меня, чем когда-либо. Я приехал сюда, чтобы заявить германскому народу, что в рамках Зимней Помощи есть возможность продемонстрировать дух единства. Что жертвы, приносимые на фронте, ни с чем несравнимы. Что настоящие и будущие достижения германского тыла будут запечатлены в истории.

Только когда весь германский народ станет единым самоотверженным сообществом, мы сможем ждать и надеяться на помощь Господа Всемогущего. Всемогущий никогда не помогал лодырям. Он не помогает трусам. Он не помогает людям, которые сами не могут помочь себе.

Это принципиально – помогите себе сами, и Всемогущий Господь не откажет вам в Своей помощи!

Глава четвертая

Под вечер на помощь неудачливым панцер-гранадёрам пришли мотоциклетная и миномётная роты, а также батарея 105-мм полевых пушек. Последней были особенно рады: наконец-то что-то более-менее серьёзное! Артиллерийские расчёты, не теряя времени, развернули свои орудия и открыли огонь по русским позициям. Тяжёлые «стопятки» мерно забухали, в сторону деревни полетели фугасные снаряды. Свой вклад, разумеется, вносили и миномётчики – добавляли огоньку. Вскоре занялись крайние избы, запылали сараи, бани, густой белый дым поплыл над полем. Русские не отвечали – видимо, ждали новой атаки и берегли снаряды.

Но когда через час стрелки-мотоциклисты, спешившись, осторожно пошли на разведку, выяснилось, что большевиков в деревне уже нет: во время артобстрела они по-тихому перешли через овраг и скрылись. Дым от пожаров надёжно закрыл этот манёвр. Сражаться немецким панцерным ротам стало не с кем, но ни гауптман Небель, ни обер-лейтенант Вальшагер, разумеется, нисколько об этом не жалели – наоборот, были рады, что не придётся больше жертвовать своими людьми и техникой. Мост, как ни странно, оказался целым и невредимым, русские почему-то не взорвали его. Скорее всего, просто не успели... Это тоже добавило оптимизма: ничто теперь не мешает дивизии идти на восток.

Но дальнейшее наступление пришлось отложить до утра: скоро ночь, а двигаться в темноте, понятное дело, очень опасно. Ограничились тем, что осторожно перебрались через мост и закрыли подступы к нему: а вдруг русские всё же решат контратаковать?

Но ночь прошла спокойно, и уже с первыми лучами солнца панцерные роты (точнее то, что от них осталось) пошли дальше: впереди, как всегда, мотоциклисты на своих тарыхтящих, подпрыгивающих на ухабах «железных конях» (с колясками и без), за ними три танка (два «чеха» Вальшагера и «тройка» Небеля), следом – миномётчики и артиллеристы на крытых грузовиках. День был пасмурный, серый, снова стал моросить мелкий дождик, и это совсем не радовало: немецкая авиация в случае чего помочь опять не сможет. Значит, если что – придётся выкручиваться как-то самим. Русских, к счастью, поблизости не наблюдалось (скорее всего, отступили достаточно далеко), шли без остановки. Но бдительно посматривали по сторонам – не нарваться бы ещё на одну засаду.

Клауса Небеля несколько беспокоило то, что основные силы 35-го танкового полка значительно отстали – неожиданно наткнулись на сильное сопротивление у железнодорожного переезда, где большевики оборудовали очень грамотные позиции. Проскочить с ходу не удалось: два тяжёлых «Ворошилова», умело прячась за высокой железнодорожной насыпью, держали под обстрелом всю местность, не давая даже приблизиться к себе. А немецкие артиллеристы достать их не могли: стальные монстры успевали вовремя укрыться за пятиметровым земляным валом, а потом внезапно появлялись в новом месте. И продолжали обстрел.

Кроме того, переезд был хорошо заминирован, и попытка мотопехоты преодолеть его одним рывком тоже не получилась, только людей потеряли. Пришлось отступить и ждать поддержки самолётов. А те вылететь не смогли – погода плохая, непрерывный дождь и густая, низкая облачность.

Так что панцеры Вальшагера и Небеля, прорвавшись наконец через вредную деревеньку, неожиданно оказались далеко впереди родного 35-го полка, превратившись, по сути, в авангард. Между ними и основными силами боевой группы полковника Генриха Эбербаха возник значительный разрыв. И это не могло не беспокоить гауптмана Небеля: он прекрасно понимал, что в любой момент русские могут ударить ему во фланг или же зайти в тыл и, таким образом, окончательно отрезать от других рот. И тогда ему и Вилли Вальшагеру придётся туго: у большевиков, как выяснилось, есть ещё и отличные средние Т-34, и гиганты «Ворошиловы», а у них двоих – только лёгкие «чехи» и одна сильно покоцанная «тройка». Да, конечно, кроме

этого имелись 105-мм орудия, но снарядов к ним не слишком-то много. Миномёты же годились только против пехоты, от русских танков они точно не могли защитить.

Боевая группа Эбербаха (в которую, помимо 35-го танкового полка, входили 33-й пехотный полк, 34-й мотоциклетный батальон, 2-й дивизион 103-го артиллерийского полка, а также 88-мм зенитная батарея и батарея 105-мм орудий) старалась по возможности не отставать от своего танкового авангарда, но это не всегда получалось. Причин было несколько: это и упорное сопротивление русских (с каждым днём – всё сильнее), и разбитые, трудно проходимые дороги, и большие расстояния, которые приходилось преодолевать, и отсутствие запчастей, особенно трансмиссий и моторов. Да и тыловики-снабженцы тоже подкачали – серьёзно отстали, танцergренадёры и артиллеристы уже три не получали горячего питания, а машины – горючего. Если дело так пойдёт и дальше, наступление застынет.

Чтобы хоть как-то решить проблему, стали грузить на моторные отсеки дополнительные бочки с бензином, а сзади прицепляли низенькие тележки с боеприпасами и продовольствием, но это было далеко не лучшим решением. Во-первых, заправлять танки прямо из бочек оказалось очень неудобно, много горючего проливалось на землю, во-вторых, такие танк-грузовозы становились лёгкой мишенью для русских: одно попадание – и они пылали яркими кострами. Бочки с бензином можно поджечь даже из обычного стрелкового оружия. Русские «трёхлинейки» уверенно били на полтора километра, а пулемёты – ещё дальше, что же тогда говорить о пушках? Любая из них превращала танк с железными бочками на корме в пылающий факел.

Но приходилось рисковать, иначе танки (да и все другие машины) вообще встанут, а без них бороться с русскими бронированными монстрами просто нереально.

Танки полковника Эбербаха шли во главе 2-й танковой группы Гудериана, их удар был направлен на Орёл: следовало захватить этот областной город как можно скорее, и особенно – каменный мост через Оку. Это откроет путь на Тулу, очень важный крупный советский промышленный и оружейный центр. После этого танки пойдут дальше – на Серпухов, а затем повернут на большевистскую столицу, на Москву. В общем, всё так, как и было обозначено в плане «Тайфун».

Но по дороге следовало захватить небольшой русский город Мценск и переправиться через речку Зушу. Вот тут-то неожиданно и развернулось очень тяжёлое сражение, стоившее Гудериану немалых потерь – как в танках, так и в людях. Но это случилось чуть позже, за Орлом, а сам город, как ни странно, захватили довольно быстро и легко, практически без боя, одним стремительным, наглым наскоком.

* * *

Танки обер-лейтенанта Вальшагера и «тройка» Небеля подошли к Орлу с юго-запада. До того им пришлось подавить кое-какое сопротивление на подступах, но с этим справились довольно быстро. По сути, не стали ввязываться в долгий бой, а просто обошли стороной. Русские заняли очень выгодные позиции на невысоких, пологих холмах у шоссе и подготовили глубокую оборону, однако Небель и Вальшагер, посоветовавшись, решили не вступать в сражение – пустая трата времени и сил. Лучше сойти с шоссе и совершить хитрый фланговый манёвр.

Конечно, это было намного сложнее, чем идти по относительно ровной «панцерштрассе», к тому же – о, редкость! – с хорошим твёрдым покрытием, однако в результате выходило всё равно быстрее, а время сейчас играло главную роль: нельзя позволить русским организованно отойти на запасные позиции и закрепиться. И тем более нельзя позволить им взорвать большой каменный мост через Оку. Если это произойдёт, то широкая полноводная река станет серьёзным препятствием на пути всей 2-й танковой группы.

Манёвр одобрил и командир 35-го танкового полка фон Заукен. Он тоже посчитал, что штурмовать укреплённые холмы смысла не имеет: у большевиков наверняка где-то спрятана сильная артиллерия, можно потерять последние машины. Пусть лучше ими займутся другие части, и в первую очередь – артиллерия и авиация, а вы идите быстрее на Орёл.

Панцергренадёры так и поступили: по широкой дуге обошли русскую оборону, выскочили на ухабистый просёлок, потом опять встали на хорошее шоссе (распугав при этом каких-то беженцев) и рванули прямо до города. И через какие-то два часа были уже на окраине. Их явно не ждали – Орёл жил самой обычной тыловой жизнью. Горожане были абсолютно уверены, что гитлеровцы ещё где-то далеко, совсем в другом месте. Даже военных патрулей на улицах не наблюдалось, не то что баррикад или же нормальной противотанковой обороны.

Немецкие танки один за другим двинулись в сторону центра – мимо низеньких беленьких домиков, утопавших в яблоневых садах. Лишь лай собак из-за высоких заборов сопровождал их. Первыми ползли «чехи» Вальшагера: Клаус Небель уступил ему главенство, ведь его «тройка» из-за проблем с двигателем могла встать в любой момент и перегородить дорогу.

Случайные прохожие, заметив танки с чёрными крестами на броне, в ужасе бросались в разные стороны, стараясь как можно скорее укрыться в ближайшей подворотне или переулке. Но паники и криков, как ни странно, не было: жители, очевидно, ещё не могли до конца поверить, что гитлеровцы уже здесь, в городе. Каждый, наверное, думал: «Этого просто не может быть! Ведь бои идут ещё так далеко...»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.